

Тыл – фронту!

Софья Александровна Заборовская родилась в благополучной семье начальника железнодорожной станции Дачное Одесской железной дороги 25 мая 1919 года. По тем временам железнодорожники приравнивались к военнослужащим и ходили в специальной форме с зелеными петличками. Их, как и военнослужащих, время от времени переводили на другой объект, и в 1920 году ее отец вместе с семьей был переведен на железнодорожную станцию Веселиново, где в 1921 году он и все его домочадцы заболели брюшным тифом. Вши, страшный разносчик опасной болезни, размножались с невероятной скоростью, и никаких прогрессивных способов борьбы, кроме кипячения и горячего утюга, не было. В то время уже существовала вакцина, но ее не хватало на всех. Фельдшер, приглашенный домой четырнадцатилетним сыном, увидев бедственное положение семьи, растерялся, побежал за вакциной и запричитал:

-Молитесь, дети, за отца. Ему очень плохо.

Однако, все обошлось. Все благополучно выздоровели и благодарили старшенького Валентина, героически ухаживавшего за всей семьей. Вскоре семью очередной раз перевели на другое место жительства и они на некоторое время осели на станции Трекратная, где Соня поступила в первый класс. Каждый день маленький ребенок ходил в школу, находившуюся в трех километрах от дома. Соня топала вместе с другими детьми по разбитой дороге в высоких резиновых сапогах, но лужи в распутицу были такими глубокими, что грязь переливалась в сапоги через голенище.

А в 1932-33 году в Одесской области наступил голодомор. Софья Александровна с ужасом вспоминает это время.

-Люди падали как мухи,-говорит она,-собирали траву и корни, варили их и умирали не только от голода, но и от отравлений.

Конечно же семью начальника станции эта беда не коснулась. Они были сыты, но у Сонечки была подружка по имени Дуся. Однажды она пришла к Соне во двор с ведрами, чтобы набрать воды, и мать Сони обратила внимание на нездоровую одутловатость ребенка.

-Ты почему такая опухшая?-с участием в голосе спросила она Дусю.

-Я давно ничего не ела,-пожаловалась та.

Женщина бросилась в дом и принесла ей еду на тарелке. Девочка схватила селедку и начала запихивать ее в рот.

-Стой!-закричала Сониная мама,-остановись! Ты так можешь умереть. Идем в дом. Я тебя покормлю и дам с собой. У вас много детей?

-Одиннадцать,-прошептала девочка.

Сониная мама каждый день клала дочке в портфель бутерброд и та менялась с Дусей на «макуху». «Макухой» или жмыхом назывался прессованный блок семечек, оставшихся после отжима подсолнечного масла. Софья Александровна до сих пор вспоминает вкус «макухи», спасшей многих от голодной смерти в голодомор и во время войны.

Десятый класс Соня закончила в Вознесенске, где в интернате были собраны подростки, жившие далеко от школы, дававшей среднее образование. Она сразу же устроилась на работу кассиром на станции Трекратное, но в

1938 году ее отец вышел на пенсию и вся семья переехала в Вознесенск, где она познакомилась со своим будущим мужем Богданом. Полюбив друг друга, они 11 июня расписались, а 22 июня началась война, обрушившая первые снаряды на Украину. Началась активная эвакуация района под непрерывной немецкой бомбежкой. Уничтожение железных дорог, являвшихся важнейшей жизненной артерией страны, обеспечивающей подвоз боеприпасов, техники и живой силы, являлось важнейшей задачей вражеской авиации. Самолеты преследовали составы и прицельно бомбили их, растреливали из пулеметов пытавшихся скрыться женщин, стариков и детей.

-Я видела,-рассказывала Софья Александровна,-искалеченные тела, перемешанные с землей, кишки, руки и ноги, висевшие на кустах, росших вдоль дороги. Мне помнится во время налета, когда все старались вжаться в землю, пожилой мужчина стоял с выпученными глазами и не шевелился. Он сразу же стал целью, и все отползли от него подальше потому, что он не реагировал на крики о том, чтобы лечь на землю. Потом, когда стервятники улетели, мы подошли к нему и с ужасом убедились, что он уже давно был убит да так и остался в вертикальном положении.

Их семья была эвакуирована в последнюю очередь. Чудом избежав потерь, их поезд под непрерывными бомбежками прорвался к переправе на Южный Буг, и всех срочно погрузили на ожидавшуюся их баржу. Немецкие самолеты натуженно гудели в поисках жертвы, прожектора ловили их в перекрестье и зенитки расстреливали. Грохот стоял невероятный. В этот день шел проливной ливень. Соня повесила в трюме промокшую до ниточки черную форменную железнодорожную шинель и куда-то вышла. Вернувшись, она уже шинель не нашла.

Немецкие войска буквально шли по пятам, и руководство собрало всех железнодорожников и направило их в Подмосковье на строительство новой ветки железной дороги. Прибывших сначала расквартировали в пионерском лагере, расположенном в семи километрах от стройки. В шесть утра все способные держать в руках лопату шли в лес валить деревья, корчевать пни, укладывать гравий и создавать насыпь. Это были люди, никогда ранее не занимавшиеся физической работой, валившиеся с ног от усталости, испытывающие сильные боли и недомогание, но упрямо выполняющие поставленную задачу, приравнявшие лопату к винтовке. Все прекрасно понимали, что это их вклад в победу.

Но к середине декабря 1941 года немецкие войска подошли к Ленинградскому шоссе, и отряд, в котором трудилась вся Сониная семья, был переброшен в Загорск и вначале размещен в Лавре. Все мощи святых были спрятаны или перевезены в другое место и в зале находилось огромное количество пустых застекленных ниш. Однажды Соня с подружкой заскочили в зал, чтобы забрать какие-то вещи и остолбенели. В нишах лежали новые «святые». Но, поскольку все знали друг друга в лицо, начался хохот.

-Мы были молоды,-вспоминает Софья Александровна,-и, несмотря на все ужасы войны, нам хотелось жить и хоть иногда радоваться и шутить.

Вскоре были оборудованы теплушки, и их переселили туда. В них установили нары. В каждом вагоне находилось пятьдесят человек, помещавшихся там на ночь. Все всегда лежали на одном боку, но если хоть один из лежавших поворачивался на другой, то это должны были сделать и все остальные. В один из дней теплушку прицепили к составу, шедшему в Сибирь, и к ним в вагон поместили отца и сына, игравшего на гитаре и вопившего блатные и похабные песни. Но, когда горе-актеры сняли пиджаки, все с ужасом увидели, что у них на теле целые колонии вшей, мгновенно распространившихся по всему вагону.

На одной из станций около Свердловска муж Софьи пошел за хлебом. У него украли и карточки, и документы. Ее отец пошел разыскивать Богдана, а поезд в это время ушел, и отчаянно беременной Сони не было предела. Правда, потом мужчины догнали поезд, но Соня со своей подругой, вышедшие, чтобы купить еды, обнаружили, что их состав тронулся, они бросились бежать следом за ним по шпалам, но в это время произошла какая-то заминка и поезд к их счастью задержали и они благополучно вернулись в свою теплушку.

Зимой 1942 года состав выгрузился на станции Хомутино и вся семья была расквартирована в одной из изб. Однажды хозяйка натопила печь и, преждевременно закрыв заслонку, ушла из дома. Соня, надышавшись угарного газа, потеряла сознание и упала на руки вернувшихся в это время домой мужа и отца. Так и осталось неясно, была ли это игра случая или умышленное злодейство.

-В этот день,-вспоминает Софья Александровна,-мне приснился вещий сон, будто звонит телефон и кто-то незнакомым грубым голосом говорит:

-Ну-ка позови Богдана.

А утром 23 февраля 1942 года пришла повестка и мой муж ушел на войну. Вскоре в этом местечке были открыты курсы водителей и Софья поступила на курсы вождения и практически всю войну работала на «полуторке», обеспечивая бесперебойную доставку на фронт снарядов, обмундирования и продовольствия. 26 июня у нее родился сын и она немедленно написала об этом Богдану. Он, конечно же, был счастлив и мечтал после войны увидеть своего мальчика, но в своем последнем письме Богдан сообщал, что он на Кавказе, что идут страшные кровопролитные бои и из его роты осталось в живых только три человека. Больше о нем никаких вестей не было. Соня целых шесть лет после окончания войны ждала и надеялась, но так и не дождалась.

Когда начались перебои с обеспечением машин бензином, часть машин перестроили на газогенераторы. Эти машины работали от горящих чурок, и некоторых водителей перевели в автослесари. Софья Александровна стала заниматься ремонтом машин, помогала колхозникам, работала на овощном складе. Однажды она

увидела, что из отверстия в вагоне струйкой вытекает зерно. Она нашла щепку, воткнула ее в дырку, подобрала валявшееся на земле зерно и принесла домой.

-Где ты украла пшеницу?-с ужасом спросила ее мать.

-Я не украла,-стала оправдываться дочь и рассказала, как она спасала вагон зерна.

Лишь в 1947 году Софья Александровна с семьей

получила возможность переехать в Кишинев, где долгие годы работала в школе заместителем директора по хозяйственной части. Так и не дождавшись возвращения Богдана, она дважды выходила замуж, родила сына и дочь, а в 2007 году переехала к дочери Светлане в Стокгольм и в настоящее время помогает ей воспитывать двух внуков.

Софья Александровна не была на линии огня, не стреляла и не спасала раненых. Она героически выполняла свою работу в тылу, ни на минуту не забывая о том, что на фронте ее муж и она в меру своих сил и возможностей должна помогать фронту и делать все от нее зависящее, чтобы ускорить победу.

Правительство высоко оценило заслуги Софьи Александровны и наградило ее «Медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.», медалью «Защитник родины» и пятью юбилейными медалями.

Несмотря на преклонный возраст, Софья Александровна старается помочь дочери по хозяйству и, являясь ровестницей эпохи, пишет книгу, в которой хочет рассказать о прожитой жизни и о людях, большинство из которых уже никогда не прочтут ее воспоминания.

Михаил Ханин